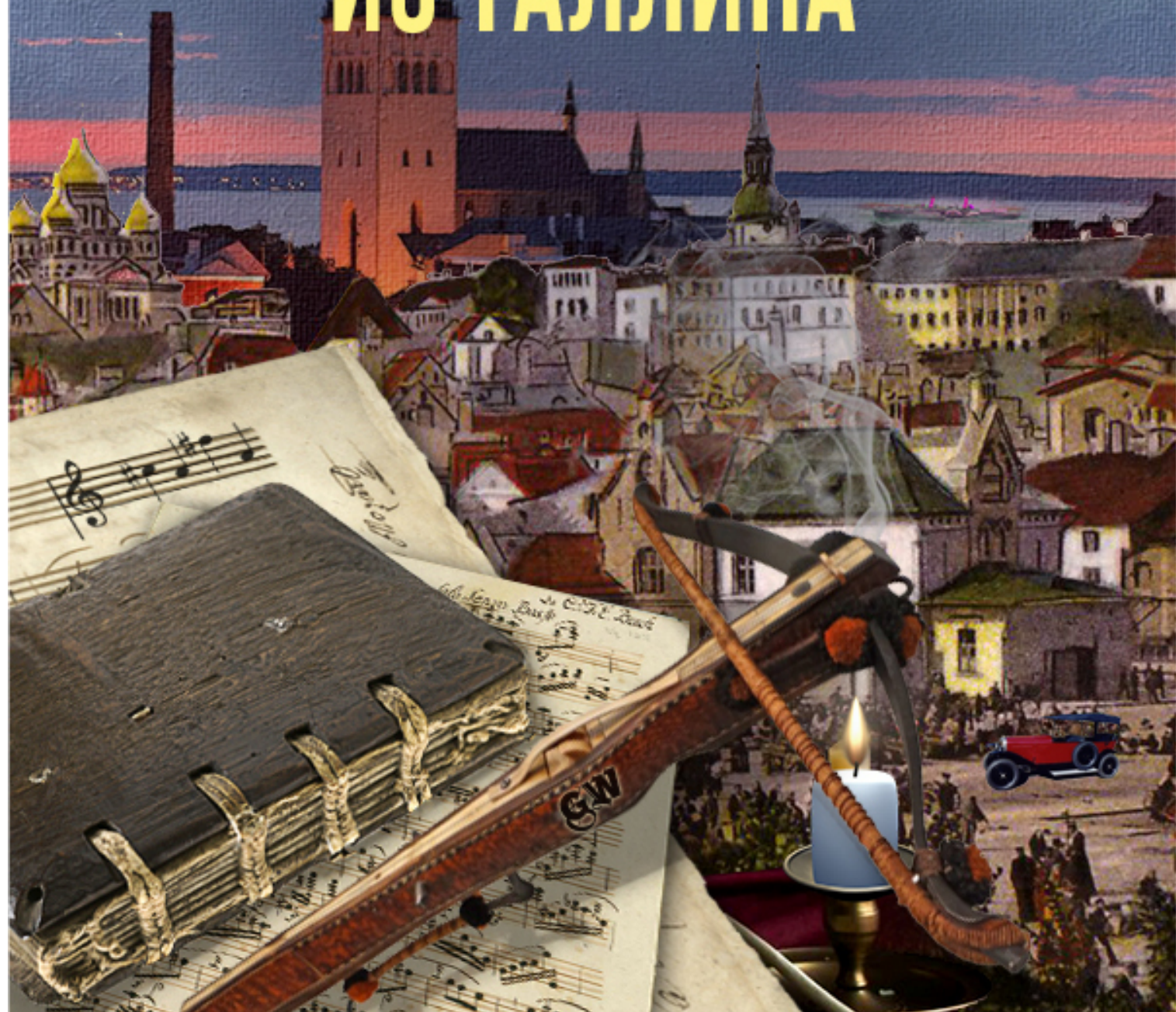

ИВАН ЛЮБЕНКО

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА СМЕРТЬЮ

КНИГА ПЕРВАЯ

МОГИЛЬЩИК
ИЗ ТАЛЛИНА

Клим Ардашев

Иван Любенко

**Путешествие за смертью. Книга
1. Могильщик из Таллина**

«Автор»

2022

Любенко И. И.

Путешествие за смертью. Книга 1. Могильщик из Таллина /
И. И. Любенко — «Автор», 2022 — (Клим Ардашев)

В Таллине, в церкви Святого Олафа, в спину органиста вонзается стрела, а в музее братства Черноголовых пропадает складной золотой алтарь работы Яна ван-Эйка. Клим Ардашеву придётся разобраться, что объединяет четыре ноты, дописанные в партитуру погибшего музыканта, древнеримскую эпитафию на старом склепе и сражение времён Ливонской войны.

Расследование осложняется убийством советского дипломата, появлением старого ялтинского знакомого и прибытием парохода «Парижская коммуна» с грузом золота из Петрограда. И это ещё далеко не все препятствия, стоящие на пути частного сыщика в августе 1920 года.

Содержание

Глава 1. Происшествие на Карловой улице	5
Глава 2. Инспектор Саар	12
Глава 3. Вечер в «Европе»	20
Глава 4. Ночная поездка	24
Глава 5. Первая улика	28
Глава 6. Замок Фалль	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иван Иванович Любенко

Путешествие за смертью. Книга

1. Могильщик из Таллина

Выражаю искреннюю благодарность Константину Рубинскому.

«То, что я отдал, останется со мной. То, чем я владею, потеряно для меня. Никто да не думает слишком высоко о себе, ибо жизнь человеческая неуловима, словно дым».

Надпись на кенотафе собора Святого Олафа в Таллине в память о первом инициаторе постройки Хансе Павелсе.

Глава 1. Происшествие на Карловой улице

Суббота, 28 августа 1920 г.

Электрические часы на церкви Святого Карла в Таллине показывали без четверти три пополудни.

Господин в широкополой шляпе и тёмно-синем костюме с белой сорочкой и галстуком, завязанным виндзорским узлом, мирно сидел на скамейке под липой. Казалось, он настолько был поглощён чтением газет, что не замечал ни яркого солнца, слепившего торопливых извозчиков, ни щебетанья птиц в кронах деревьев, ни таксомоторов, деловито снующих мимо. В руках Ардашева был номер «Последних известий», издававшихся на русском языке, и «Биржевые новости», ещё пахнувшие типографской краской.

Бывшая Ревельская губерния Российской империи, а теперь демократическая Эстонская республика, совсем недавно обрела независимость, и местные жители ещё не привыкли к новому названию столицы. Чаще всего город именовали Ревелем. Что касается улиц, то здесь дело обстояло гораздо проще: с 1882 года названия писались на трёх языках – немецком, эстонском и русском. И потому на любом из них прекрасно звучали: Брусничная, Вересковая и Клёновая.

Ещё в начале года эстонская армия под командованием полковника Йохана Лайдонера, – а проще говоря, Ивана Яковлевича Лайндонера, полковника русской императорской армии, возглавившего после Февральской революции Эстонскую дивизию – в союзе с Северо-Западной армией генерала Юденича, заручившись поддержкой британского флота, отразила попытки Советов захватить всю территорию Эстонии.

Большевикам не оставалось ничего другого, как пойти на заключение Тартуского (Юрьевского) мирного договора на крайне невыгодных для них условиях: Эстонии перешла часть территории с преимущественно русским населением; Р.С.Ф.С.Р. передавала прибалтийской республике пятнадцать миллионов рублей золотом и отказывалась от каких-либо имущественных претензий Российской Казны; Советская Россия безвозмездно уступала Эстонии всё движимое и недвижимое имущество, находящееся на её территории (порты, военные и гражданские суда, технику и т. д.). Россия давала «Эстонии «преимущественное право на лесную концессию, площадью в один миллион десятин в пределах Петроградской, Псковской, Тверской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний».

Несмотря на это, большевики сумели сгладить поражение, добившись не только установления двусторонних торговых отношений, но и режима наибольшего благоприятствования без каких-либо пошлин и транзитных налогов. Даже фрахтовые тарифы для Р.С.Ф.С.Р. теперь не

могли быть выше тарифов за однородные товары местного назначения. Эстония предоставила Советской России места для погрузки и хранения товаров не только в Таллине, но и в других портах страны, причем сборы за них не могли «превышать сборов, взимаемых с собственных граждан в отношении транзитных товаров».

Статья, которую читал Ардашев, приводила перепечатанную из советских газет речь Ленина на IV конференции Губернских Чрезвычайных Комиссий, где красный вождь, захлёбываясь от радости, витийствовал с трибуны: «Капиталисты из всех сил мешали заключению мира Эстонии с нами. Мы их победили. Мы заключили мир с Эстонией, – первый мир, за которым последуют другие, открывая нам возможность товарообмена с Европой и Америкой».

Клим Пантелеевич прекрасно понимал, что для находящихся в международной изоляции большевиков Таллин стал чёрным ходом в цивилизованный мир, перевалочным контрабандным пунктом. Именно поэтому он здесь и оказался. Вернее, не только поэтому...

Две недели назад Ардашев получил шифровку от господина Тамма или агента Сильвера (капитана Волкова), имевшего в Ревеле фотоателье, и промышлявшего изготовлением фальшивых европейских паспортов, о том, что по рекомендации надёжного и проверенного человека к нему обратился некий господин, явно из России, и попросил достать шведский паспорт на вымышленное имя. Свои услуги фотограф оценил высоко, но стоимость гостя не смутила, и он оставил аванс в половину суммы. Следующую встречу господин Тамм назначил через две недели.

Посетитель ушёл, но агент, закрыв фотомастерскую, проследовал за ним. Всё стало ясно, когда визитёр скрылся за массивными дверьми «Петербургской гостиницы». Совсем недавно это здание было реквизировано эстонским правительством и сдано в аренду советскому представительству, которое пока ещё возглавлял старый большевик, друг Ленина Леонид Борисович Оржих.

Волков выяснил личность будущего владельца фальшивого паспорта. Им оказался Михаил Иосифович Минор – помощник Оржиха по коммерции. По данным другого весьма осведомлённого источника из той же «Петербургской гостиницы» Минор провернул в интересах Советской России два десятка весьма сомнительных торговых операций, присвоив, по самым скромным подсчётам, около двух миллионов шведских крон. Его шведским контрагентом был господин Крафт – известный в определённых кругах гешефтмахер и любовник свояченицы Минора. Узнав, что по решению коллегии Наркомата госконтроля Р.С.Ф.С.Р. в Ревель для ревизии коммерческих сделок Советского представительства прибудет Рабоче-Крестьянская Финансовая Инспекция, Минор начал искать возможность обзавестись шведским паспортом.

Получив эту информацию, глава российской заграничной резидентуры решил лично провести вербовку красного дипломата.

Ещё в марте не без помощи бывшего премьер-министра Чехословакии Карела Крамаржа Ардашев получил гражданство этой страны.

Детективное агентство «1777» теперь было переоформлено непосредственно на Клим Пантелеевича, чему его помощник Вацлав Войта был несказанно рад и тут же предложил «шефу» отметить сие «величайшее в истории частного сыска событие» в ресторане русской кухни «У Донату». Идею «босс» одобрил, но ресторан выбрали другой. У Вероники Альбертовны и Марии Калашниковой – супруги Ардашева и секретаря детективного агентства – ещё были свежи воспоминания о прошлогоднем происшествии в этом заведении, когда советский шпион прислал на день рождения Клим Пантелеевича подарок – снаряжённую и готовую к взрыву бомбу.¹

¹ Об этом написано в романе «Убийство в Пражском экспрессе» (прим. авт.).

Имея чехословацкий паспорт, Ардашеву не составляло никакого труда получить любую европейскую визу, в том числе и эстонскую.

Вербовка Минора прошла успешно.

Для советского чиновника, пришедшего за паспортом, и спокойно ожидавшего хозяина ателье, который отлучился за документом, появление Клима Пантелеевича стало неожиданностью. Толстый, лет пятидесяти, едва, уместившийся на стуле человек с круглым лицом, жиденькой бородкой и такими же редкими усами, испуганно забегал глазами и осведомился:

– Простите, а где господин Тамм?

– Он пошёл за вашим фальшивым паспортом, – небрежно бросил Ардашев и плюхнулся в кресло напротив.

– Пожалуй, я зайду в другой раз, – вставая, робко проронил визитёр.

– Сядьте! – велел Ардашев и опустил руку в карман пиджака.

– Простите, а почему вы мне приказываете? – покорно усаживаясь на стул, спросил Минор. – Кто вы такой?

– Ваш друг. И хочу вам добра.

– Надо же! Я сразу так и понял. Как вас величать?

– Зовите Иваном Ивановичем.

– Ивановым?

– Угадали.

– Какое редкое сочетание имени, отчества и фамилии! Случаем, не из России? – уже окончательно овладев собой, сострил дипломат.

– Отрадно, что к вам вернулось чувство юмора. Значит, вы готовы меня выслушать.

– Что вам от меня надобно?

– Ничего особенного. У меня есть некоторые вопросы, а у вас – ответы. Мне нужно две-три встречи в месяц до тех пор, пока вы ещё работаете в советском представительстве. А как его покинете – мы навсегда расстанемся.

– А я если я не соглашусь?

– Уверен, что согласитесь. Вы умный человек и не захотите, чтобы вашему начальнику Георгию Александровичу Стародворскому – уполномоченному Наркомата внешней торговли в Эстонии – на стол легли подробные сведения о ваших мошеннических сделках с господином Крафтом, любовником вашей свояченицы. Надо отдать должное вашему проворству: вы умудрились не только перетянуть в Ревель почти всех родственников, но и дать им возможность кормиться от советского представительства в Эстонии. А впрочем, я могу и не сообщать о вас Стародворскому, а послать копии банковских счётов, открытых Крафтом на ваше имя в Стокгольме, напрямую товарищу Бейтнеру, занимающему должность начальника отдела местных заграничных агентур в Наркомвнешторге. Говорят, он бессребреник и садист. Сказывают, хвалится, что лично вывел в расход сто душ офицеров в восемнадцатом году. Думаете, он вас пожалеет? Ничуть. Он напишет рапорт, и Коллегия ВЧК заочно вынесет вам смертный приговор. Вас уже не спасёт ни шведский, ни американский, ни любой другой паспорт. Они даже искать вас не будут. Вы сами придёте на Лубянку и вернёте всё что украли у советской власти. А знаете почему? Потому что прежде они похитят вашу жену и дочь. Согласитесь, это словосочетание «украденное у советской власти», звучит смешно, ведь сама эта власть воровская и незаконная, занимающаяся убийствами и грабежами, которые теперь она называет «приведением смертных приговоров в исполнение» и «конфискацией имущества» социально чуждых элементов.

– Вы беляк?

Ардашев пожал плечами и выговорил:

– Я патриот России. А большевики – ненавистники всего русского народа, вооружённые антирусской теорией немца Маркса, который ещё в «Учредительном Манифесте Между-

народного Товарищества Рабочих» сетовал на европейские державы, попустительствующие, так называемой экспансии России, набирающей силы после Крымской войны. Помните?

– Допустим.

– Не хочу утомлять вас расхожими фразами Маркса о «славянских варварах», «иге славян» и «зловещей фигуре России». Скажу одно: вы совершенно правильно делаете, что боритесь с большевизмом экономическим путём. Я вас понимаю. И, в свою очередь, если вы захотите, сделаю всё возможное, чтобы обезопасить вашу семью от мести чекистов в любой стране, куда бы вас не занесла судьба. Или, как я сказал в самом начале, оставлю вас в покое после нескольких наших встреч и не буду мешать вашему бегству из советского представительства. Но для этого, дорогой Михаил Иосифович, мне понадобится ваша помощь.

– Какая именно?

– Я уже упоминал. Это сущая мелочь, всего лишь ответы на вопросы.

– Надеюсь, мне не придётся ничего подписывать?

– Ни в коем случае. Обязательство о сотрудничестве и неразглашении подписывают при вербовке. А мы – друзья и верим друг другу на слово. Вы поможете мне, я – вам. Согласны?

– Хорошо. Спрашивайте.

– С какой целью Стародворский прибыл в Ревель?

– Трудно сказать, – замылся Минор, – но, сдаётся мне, что его прислал сам Ленин.

– Даже так? – удивлённо приподняв голову, спросил Ардашев.

– Он как-то обмолвился, что давно знаком с Елизаровым, мужем Марии Ильиничны, сестры Ленина.

– Газеты писали, что в прошлом году он скончался.

– Да, от сыпняка.

– Итак, вы не ответили на мой вопрос.

– Какой, простите?

– Для чего Стародворский сюда приехал?

– Да откуда мне знать! – возмущённо вскинул руки чиновник.

– А я думал, что вы действительно хотите остаться целым и невредимым, дорожите семьёй и своим будущим благосостоянием, – глядя в лицо собеседника, выговорил Клим Пантелеевич и поднялся. – Жаль, что я в вас ошибся. Желая здравствовать. Правда, протяните день-два, не больше.

– Пойдите, куда вы? – Минор поднял умоляющий взгляд. – Могу я рассчитывать на вашу дискретность?

– Безусловно.

– Всё дело в золоте.

– В каком золоте? Ведь Эстония по условиям мирного договора его уже получила, – с сомнением проговорил Ардашев и вновь опустился на стул.

– Речь идёт о другом золоте, – вытирая грязным платком мокрый от пота лоб, пояснил дипломат. – Стародворский должен не только контролировать, но и снабжать валютой всё наши заграничные организации.

– Какие именно? И кто их возглавляет?

– Это коммерческие фирмы, контролируемые Коминтерном. В Лондоне – Красин, в Берлине – Копп, в Копенгагене – Литвинов. Кроме того, хватает и тайных отделений Коминтерна.

– Кто перевозит деньги?

– Либо дипкурьеры в вализах, либо командируемые в зарубежные страны посланники. Свои чемоданы они возят по всей Европе. Например, сюда не раз приезжал Александр Бронштейн, брат Льва Троцкого. Коминтерн не может существовать без денег, он прожорлив! Троцкий и Ленин грезят мировой революцией. А для её свершения нужно выпускать коммунистические газеты в Европе и Северо-Американских Штатах, снабжать оружием и листов-

ками профессиональных революционеров, и для этого необходимы огромные суммы. Валюта, доставшаяся по наследству от царского режима, почти закончилась.

– В каком номере «Петербургской гостиницы» остановился Стародворский?

– Он поселился в «Золотом льве». Комната № 26. Там ему спокойнее. У него конфликт с Оржихом. К тому же Георгий Александрович прям, как Ильич, почти не пьёт и совсем не курит. Живёт бобылём. А Оржих, мало того, что хронический сифилитик, так ещё и попойки через день устраивает. Стародворский, как я понял, должен возглавить представительство в Эстонии вместо Оржиха. Осталось дождаться окончательного решения Совнаркома и Чичерина.

– Охрана у него есть?

– Нет. Латышские стрелки стерегут только «Петербургскую гостиницу».

– Золото, пароходы, железнодорожные составы из Ревеля в Россию... – вымолвил Ардашев и задумался.

– А здесь всё взаимосвязано. Вам, вероятно, известно, что правительства всех стран, до Америки включительно, наложили эмбарго на торговлю с Россией?

– Конечно.

– Мы ничего не можем продать и купить. Правда, с царских времён у нас остались золотые империалы. Но как выручить за них валюту, если русскому золоту объявлен бойкот? Выходов несколько. Можно обменивать валюту контрабандным путём, но тогда курс золотого империала будет очень низкий. Кстати, товарищ Оржих именно этим и занимается, не забывая и шкурный интерес. И поднимает сумасшедший куртаж! А ведь он, как и я, старый большевик. Мы вместе гнили в Туруханском крае...

Минор задумался на несколько секунд, очевидно, предавшись воспоминаниям, но вскоре продолжил:

– Немногим выгоднее задействовать банк и с его помощью при покупке товаров открывать аккредитив и уже потом расплачиваться за него золотом. Но и это ведёт к убытку, потому что банк своего не упустит. Лучше всего продавать золото на Стокгольмской бирже.

Ардашев вынул коробочку монпансье «Георг Ландрин» и предложил собеседнику.

– Благодарю. Но я не ем сладкого. Сахарная болезнь.

Клим Пантелеевич положил крохотную конфетку под язык и осведомился:

– Постойте, а как вы собираетесь выставлять империалы на Стокгольмской бирже, если продажи всего советского запрещены?

– Очень просто! Красин, Чичерин и Ленин придумали следующий ход: империалы придут в Ревель морем, как собственность иностранной компании. Документы фальшивые, потому что ни одна компания не имеет права заключать сделки с Советской Россией. Поэтому фиктивные документы готовятся ещё в Москве. И у этой липовой компании их покупает уже живая фирма, зарегистрированная на доверенных лиц Совнаркома в Стокгольме. После таможенной процедуры их перегрузят на шведский пароход.

– Эти совнаркомовские карманные фирмы в Стокгольме штампует Крафт?

– Да. Таким же путём в ближайшее время начнёт поступать и золотой конфискат.

– А это что такое?

– Мы изыали во время обысков у зажиточной части населения и церкви большое количество золотых изделий. Их переплавили в слитки (или, как мы их называем, «свинки») и на каждый, как и положено, поставили клеймо ещё в России. Это десятки тонн. Теперь золото надо обратить в валюту, или, по крайней мере, закупить на него оружие, продовольствие и обмундирование. Используется та же схема, что и с империалами, но с небольшим дополнением: в Швеции, во избежание проблем, «свинки» вновь переплавляются, и на них уже ставится настоящее шведское клеймо. После этого они идут в свободное обращение, как шведские. Таким образом планируется переправить через Стокгольм пятьсот ящиков с золотом в Северо-Американские

Соединённые Штаты не только для приобретения на вырученные деньги разных товаров, но и на подрывную работу в Америке, с целью совершения там социалистической революции.

– Смею предположить, что на одном из шведских пароходов вы и собираетесь покинуть Ревель вместе с семьёй, не так ли?

– Вы очень догадливы.

– Получается, что Стокгольм станет вторым после Ревеля перевалочным пунктом для выхода на мировой рынок и Америку.

– Совершенно верно, – кивнул Михаил Иосифович. – Они торопятся. Гражданская война ещё не закончилась, а мы зачем-то уже ввязались в войну с Польшей. Вчерашние поручики, возмнившие себя новыми наполеонами, командуют полками и дивизиями. Им хочется чинов, наград и славы. Всё это Троцкий не только обещает, но и щедро раздаёт. Между тем на фронте не хватает самого необходимого. Например, аппаратов Морзе. Недавно от военного ведомства поступил заказ на восемьсот штук. Я вёл переговоры с фирмой «Эриксон». Они вздули цену одного аппарата до баснословной цифры – девятьсот шестьдесят шведских крон на условиях франко-Ревель таможенный склад. И это без моего интереса. Подумать только! И какие негодяи: видя, что мы размышляем, они тут же предложили Морзе полякам. Узнав об этом, Троцкий пришёл в ярость и велел купить аппараты не торгуясь... Если бы вы знали, как мне всё надоело! – Минор встал и нервно заходил по комнате.

– Михаил Иосифович, а как давно вы разочаровались в большевизме?

– Трудно сказать. Этот процесс начался два года назад, когда разогнали Учредительное собрание. Признаюсь, частично я разделял политику социалистов-революционеров, хотя и состоял в умеренном крыле РСДРП, а уж как попал в «Петербургскую гостиницу» и увидел, какой тут в Ревеле творится вертеп! Последний год у меня складывается ощущение, что все только и занимаются пьянством, развратом и стяжательством. Будто бояться, что наша власть вот-вот рухнет.

– Понимаю, как вам тяжело.

Дипломат молча уставился в окно, а потом вдруг заговорил:

– Ох, если бы вы знали, что отправляют в Москву командированные сюда посланцы, и на что они тратят народные деньги! Думаете берут продукты для голодающих рабочих и крестьян? Нет! Целыми вагонами закупают деликатесы для членов семей Совнаркома: ананасы, сардины, фрукты в сахаре. Не забывают и о любовницах. Тащат им парфюмерию, бельё, маникюрные наборы, мануфактуру... И всё это называется «ответственным грузом». А тем временем, разутые, голодные, завшивевшие красноармейцы воюют в дырявых шинелях... Разве ради этого мы возводили баррикады на Пресне в девятьсот пятом году? Таких, разочаровавшихся в октябрьском перевороте, с каждым днём становится всё больше. Не сомневаюсь, рано или поздно чекисты нас, старых большевиков, поставят к стенке. Потому и бегу. А то что не с пустыми руками, так скажу честно: это совсем небольшая компенсация за мой юношеский идеализм, за веру в коммунистический интернационал, и годы, проведённые в царских тюрьмах и ссылках.

– Что ж, благодарю вас за откровенность. Рад, что между нами сложились доверительные отношения. Когда должен прийти первый золотой груз?

– В начале сентября. Точная дата неизвестна. Нас известят телеграммой.

– А как вы узнаете, когда выйдет шведский пароход?

– После получения известий из Москвы, я должен послать условную телеграмму в Стокгольм. И зафрахтованное судно сразу же покинет порт.

– В Стокгольме за это отвечает господин Крафт?

– Вы прямо ясновидящий, – обречённо вздохнул Минор.

– Нет, просто такая работа. Мне понадобится немного времени, чтобы всё обдумать. Я буду ждать вас послезавтра, двадцать восьмого, в субботу, в три часа пополудни, на второй скамейке под липой у собора Святого Карла.

– Простите, но я всё вам рассказал. Что ещё вы от меня хотите?

– Давайте не будем забегать вперёд. Послезавтра я всё объясню.

– А паспорт мне отдадут?

– Да. Не волнуйтесь, – Ардашев поднялся, – господин Тамм появится сразу после моего ухода. До встречи!

...И вот теперь, спустя два дня, Ардашев сидел на условленном месте и размышлял, какой псевдоним больше подойдёт новому агенту: Добряк, Мирный, Француз... А почему Француз? Наверное, из-за того, что чем-то смахивает на Наполеона.

Минор появился неожиданно. Он переходил дорогу неуклюже, точно откормленный гусак. Вдруг его лицо исказилось гримасой страха. Инстинктивно толстяк вытянул вперёд руки и закрыл глаза. Удар о капот автомобиля был глухой, точно с двухсаженной² высоты уронили мешок картошки, или на полном скаку рухнула, подкошенная пулей лошадь. Пешеход подлетел и распластался прямо на синем капоте таксомотора. Шофёр дал по тормозам. Человеческое тело скатилось на мостовую. «Ситроен» сдал назад, а потом переехал туловище несчастного колёсами. Нажав на акселератор, водитель понёсся вперёд и затем свернул на Висмарскую улицу.

Ардашев сложил газеты и, обходя газон, поспешил к дороге. Место происшествия уже окружили зеваки.

Протиснувшись с трудом через толпу, Клим Пантелеевич приблизился к труп. Да, это был уже покойник, утонувший в луже крови. Тело опрокинулось навзничь. Кости черепа раскрошились и, пробив кожу, выглядывали наружу. Глаза от испуга остались удивлённо раскрытыми и устремленными в бесконечность, словно надеялись отыскать место для грешной души на небесах.

² Сажень – русская мера длины; 1 сажень равна 213 см. В то время в Эстонии, кроме европейской, ещё была распространена и русская система мер (прим. авт.).

Глава 2. Инспектор Саар

При появлении полицейского и дворника толпа разбежалась. Остался Ардашев и весьма привлекательная брюнетка лет двадцати пяти, с глазами цвета спелой вишни и длинными ресницами. Стройная, среднего роста, она старалась не смотреть на покойника и вытирала слёзы белым, кружевным платочком, который достала из сумочки. Глядя на неё, Клим Пантелеевич поймал себя на мысли, что её он жалел больше, чем погибшего Минора. Наверное, потому, что, во-первых, подобные шедевры матушки природы встречаются чрезвычайно редко, а во-вторых, следует признать, что дамы такой неземной красоты обычно страдают от повышенного мужского внимания, и ловеласы всегда надеются отыскать в их душах какую-то порочную струну, сыграв на которой удастся добиться всего того, что рисует в своём воображении любой волокита. Словом, растлевай и властвуй. Безраздельно. От того их и жаль.

Дворник накрыл труп рогожей и, выслушав приказание протелефонировать в полицейское управление, поспешно удалился.

Полицейский, судя по званию, унтер-офицер, повернулся к свидетельнице и чём-то негромко поинтересовался:

– Простите, но я не знаю эстонского. Не могли бы вы обратиться ко мне на том языке, на котором вы, да и не только вы, а все окружающие, говорили всего три года назад? – уже почти успокоившись, с заметной иронией вымолвила дама.

– Вы видели, как произошла авария? – на чистом русском языке спросил он.

– Да. Этот несчастный очень торопился, обогнал меня, когда я шла по тротуару. А потом он стал переходить дорогу. Тут на него и налетел таксомотор. А мог бы и меня сбить. И здесь лежала бы я, то есть мой труп, – она опять всхлипнула.

– Это было такси?

– Естественно.

– Почему естественно?

– Потому что только таксисты в Ревеле носятся, как угорелые. И вообще, от машин один вред. Они не только засоряют воздух, но и убивают людей. Их надо запретить.

– Простите, вы номер мотора³ не заметили?

– Да разве я должна всматриваться в их номера? – рассеяно спросила свидетельница.

– Это был синий «Ситроен». Две последние цифры – 36, – изрек Ардашев.

– Вы тоже русский? – удивился страж порядка.

Клим Пантелеевич только собирался ответить, как из-за угла вылетел и резко остановился чёрный, уже изрядно потрёпанный «Форд».

Из машины вышли двое. Третий остался сидеть за рулём.

Первый, в котелке, шагал решительно, будто торопился кого-то арестовывать. Так ходят полицейские или судебные следователи. Это был невысокий, худой господин лет сорока пяти, с роскошными усами, в костюме, жилетке и в галстук. За ним семенил толстяк с бритым лицом в костюме и таком же точно котелке. Носки его туфель были давно не чищены. На лице неуклюжего торопыги читалась досада, понятная любому чиновнику, которому в субботу придется задерживаться на службе.

Полицейский отдал честь и вытянулся в струнку.

Первый из подошедших похлопал его по плечу и спросил по-эстонски:

– Свидетели есть?

Тот указал кивком в сторону Ардашева и дамы.

– Эти двое. Русские.

³ В эти годы «автомобиль» часто называли «мотором» (прим. авт.).

– Разрешите отрекомендоваться – инспектор криминальной полиции Бруно Саар, – представился незнакомец на русском языке. – Позвольте ваши паспорта.

– Вот надо же, – недовольно поморщилась дама, выуживая из сумочки документ, – попала в переплёт.

– Госпожа Варнавская Анастасия Павловна, – прочитал инспектор и подняв глаза, облизал её липким, как патока, взглядом. – У вас временное пребывание? Вы беженка?

– Да, а что?

– Ничего, просто уточняю, занесённые в справку данные, относительно вашего нахождения на территории моей республики, – выговорил инспектор, сделав ударение на слове «моей».

И он тут же, закуривая сигарету, обратился к Ардашеву:

– Соболаговолите, сударь, предъявить ваши документы.

Клим Пантелеевич протянул чехословацкий паспорт.

– О! Не ожидал. Прямо из Праги пожаловали?

– Показать билет?

– Нет надобности.

Тем временем спутник инспектора, очевидно судебный медик, закончил осматривать тело и вынес заключение:

– Водитель сбил бедолагу на большой скорости и, очевидно, после того, как тело упало на землю, переехал голову и туловище. Об этом говорят внешние повреждения: многочисленные переломы черепа, рваные лоскутные раны головы, ушных раковин, выдавливание мозгового вещества через уши и нос... Повреждён и живот: видны надрывы поверхностных слоёв кожи. Я уверен, что и внутренние органы от сильного удара оторвались. Сердце и селезёнка уж точно. Думаю, при вскрытии это подтвердится. Только есть ли смысл его проводить?

– Думаю, нет. И так всё понятно, – ответил полицейский и принялся обыскивать труп.

Через минуту у него в руках оказался дипломатический паспорт покойного, мандат советского представительства и туго набитый купюрами бумажник.

– Дипломат, – озадачено протянул он, – вот только этого нам, дорогой Андрес, не хватало. Теперь точно вам придётся его вскрывать, а мне вызывать советское начальство.

– Ну что за неделя! То висельник в Фалле, то теперь вот русский пешеход-неудачник, – досадливо поморщился доктор.

– Домой мы сегодня вернёмся очень поздно, или рано. Скорее всего, под утро. – Инспектор повернулся к свидетелям. – Что ж, прошу в автомобиль.

Не обращая внимания на предложение, Клим Пантелеевич произнёс:

– Стоит заметить, господа, что на дороге полностью отсутствует след от торможения колёс. Это говорит о том, что наезд на этого пешехода не был случайным. Кроме того, замечу, что на сорочке покойного остался чёткий отпечаток рисунка протектора шин. Его следует аккуратно вырезать. Зная марку таксомотора, цвет, последние две цифры номера и рисунок протектора шин вы без труда отыщете этот автомобиль.

Господин Саар подозрительно сощурился и, сделав глубокую затяжку, спросил:

– Вы запомнили цвет, номер и марку?

– Не весь номер, – ответил за Ардашева полицейский, – только две последние цифры – 36, марка – «Ситроен».

– Не просто «Ситроен», это была модель «А» (10CV), – уточнил Клим Пантелеевич.

– Интересно, интересно, – пробубнил инспектор и велел: – Что ж, господа свидетели, я всё же прошу вас проехать с нами, чтобы оформить протоколы допросов.

– Пропал день, – вздохнула Варнавская.

– Ничего не поделаешь – убийство, – вымолвил Клим Пантелеевич и распахнул перед дамой дверь «Форда».

– Благодарю вас!

– Не стоит, – усаживаясь рядом, ответил Ардашев.

Инспектор затушил окурок носком туфли, приказал унтер-офицеру дожидаться санитарной кареты и вернулся к авто. Усевшись на переднее сиденье, он хлопнул дверью, и машина тронулась. Она понеслась с такой скоростью, что появившись перед ней зазевавшийся пешеход, он определённо бы стал вторым трупом за день.

– Господин Ардашев, вы бывший полицейский? – осведомился сыщик.

– Напротив. Я бывший присяжный поверенный.

– Но раньше служили в полиции?

– Упаси Господь.

– А в Праге чем занимаетесь?

– Я частный детектив.

– В Чехословакию прибыли из России?

– Вы чертовски проницательны.

– А что вас привело в Прагу?

– Длинная история.

– Ничего, я не тороплюсь.

– Простите, сударь, у меня нет желания посвящать вас в перипетии своей судьбы.

– А зря. В противном случае, наша беседа пройдёт в присутствии офицера контрразведки.

– Не возражаю. Жаль будет только времени, потраченного впустую. Я собирался осмотреть достопримечательности Ревеля.

– Таллина! Попрошу правильно именовать столицу нашего государства, – встрял в разговор доктор.

– Как угодно. Я бы напомнил вам последние четыре строчки русского поэта Петра Вяземского. Думаю, в гимназии, вы, должно быть, если не выучили наизусть, то уж точно читали его «Ночь в Ревеле»:

Ревель датский, Ревель шведский,
Ревель русский! – Тот же ты!
И Олай твой молодецкий
Гордо смотрит с высоты.

– Был Ревель, стал Таллин, – пробубнил Саар.

– Пусть так. Только вот немецкие и шведские газеты с этим не церемонятся. У них Ревель остался Ревелем. И все делают вид, что этого не замечают. А впрочем, мне всё равно. Хотите, могу и Колыванью называть.

– Ни в коем случае, милостивый государь! – возмутился врач.

– Отчего же? Насколько я помню, именно так окрестил вашу теперешнюю столицу арабский географ Аль-Идриси в 1154 году. Под этим названием оно и перекочевало в древнерусские летописи.

– Это распространённое заблуждение. Имя Колыван принадлежало одному из героев эстонского эпоса, – не сдавался эскулап.

– Вполне возможно. Но это ни в коей мере не опровергает мою гипотезу, – невозмутимо заявил Клим Пантелеевич. – Однако, известно ли вам откуда взялось название Ревель? Его ведь не русские придумали.

– Ну-ну, поведайте нам, господин русский пражанин, – с заметным ехидством в голосе выговорил доктор.

– Всё дело в бухте. Она, как известно, около четырнадцати вёрст в длину и около восьми в ширину. Глубина от двенадцати до пятнадцати саженей. Дно глиняное и местами песчаное.

Льда зимой почти не бывает, ветры проходят стороной. Наверное, и в самом деле, это место можно было бы наречь раем для мореплавателей, если бы не мели и рифы при заходе в бухту. Подозреваю, что датские корабли не раз на эти рифы налетали и оттого прозвали город «revel», что означает «рифы».

– О! Вам известно то, о чём мы, уроженцы этого города, даже и не подозревали, – насмешливо скривил губы судебный врач.

– Господа, смею прервать ваш спор, – вмешался инспектор. – Мы уже приехали.

Полицейское управление располагалось по улице Глиняной, в доме номер шесть. Ещё несколько лет назад в этом здании служил полицмейстер Ревеля с помощником, приставы всех частей и сыскное отделение. Теперь всё обстояло иначе: Полевая полиция охраняла общественный порядок, Криминальная полиция занималась расследованием уголовно наказуемых преступлений, а Охранная полиция (Служба внутренней безопасности), находящаяся совсем в другом месте, боролась с государственными преступлениями, направленными на свержение существующего государственного порядка. Главное управление Охранной полиции имело одиннадцать уездных отделений в стране, но, несмотря на это, город кишел не только шпионами, но и контрабандистами. Казалось, в Таллинский порт – перевалочный пункт между Советской Россией и остальным миром – съехались авантюристы со всей Европы.

Ежедневно в гавань заходили вереницы пароходов. Железные монстры гудели, искали место у пристани и, бросив якорь, становились на разгрузку. Без усталости работали высотные портовые краны, напоминающие собой пришельцев из «Войны миров» Герберта Уэллса.

На железнодорожном вокзале тоже царил суев. Товарные составы, наполнив чрева вагонов, подрагивая на стрелках, уносились в Нарву, Ямбург и Петроград.

Вечерами в ресторанах играли оркестры, и шумели кафешантаны с бегущими электрическими вывесками на фасадах. Часто в них, а не на бирже, заключались миллионные сделки, проигрывались в карты сумасшедшие суммы и в одночасье наживались умопомрачительные состояния. Экономическая жизнь Таллина – пусть не совсем законная, но всё же очень прибыльная – кипела, как адский котёл.

Несмотря на инфляцию, в казну текли налоги, уплачивались портовые сборы и таможенные пошлины. Республика обрела силу и, разбив большевиков, смогла отстоять свою независимость. Национальный патриотизм был на подъёме. Но стране нужна была передышка. Именно поэтому, после заключения Тартуского мирного договора власть не хотела обострять отношения с Кремлём и смотрела на действия агентов Москвы сквозь пальцы, правда, если они не угрожали интересам Эстонии.

Ардашев и Варнавская в сопровождении инспектора поднялись на второй этаж. В конце коридора со сводчатыми потолками стояли сбитые воедино стулья. Указав на них, полицейский скрылся за дверью. Было слышно, как он с кем-то разговаривал по телефону на русском языке. Минуты через три сыщик выскочил из кабинета и со словами «подождите меня здесь» понёсся к выходу.

– Не стоит ждать ничего хорошего, – глядя в пол, грустно промолвила дама.

– Не расстраивайтесь, Анастасия Павловна. Допросят и отпустят.

– Надо же, вы запомнили, как меня зовут. Обычно с первого раза имя ранее незнакомого человека я забываю, если он мне не интересен.

– У меня это само собой получается. Отпечатывается в голове, как на «Ундервуде».

– А вы, Клим Пантелеевич, и в самом деле, частный сыщик?

– Да, – просто ответил Ардашев, словно не замечая, что новая знакомая сделала ему комплимент.

– Как Шерлок Холмс? – улыбнулась она.

– Куда мне до него! Он – гений, хоть и литературный персонаж.

Бывший присяжный поверенный вынул коробочку ландрина, открыл крышку и протянул даме:

– Прошу.

– Благодарю, вы очень любезны.

Тонкими, изящными пальцами, точно пинцетом, она взяла одну конфетку, которая тут же исчезла во рту.

– Вы расследуете убийства?

– В основном.

– Это, наверное, так интересно?

– Не очень. Я лишь стремлюсь к торжеству справедливости.

– Вот как? – задумчиво проговорила Варнавская и захлопала ресницами, точно обиженный ребёнок. – Я почему-то всегда считала, что следствие или суд устанавливают истину, то есть правду.

– Справедливость, Анастасия Павловна, поверьте, выше правды, потому что у каждого своя правда. Для этого и создан суд присяжных.

– Выше справедливости ничего нет?

– Милосердие – вершина человеческого благоразумия. Если бы все люди им обладали, то и преступников не было бы вовсе.

– А позвольте, ещё один вопрос?

– Пожалуйста.

– Преступниками рождаются, или становятся?

– И рождаются, и становятся. Не секрет, что некоторые люди из-за врождённого слабоумия (душевнобольные к ним не относятся) просто не в состоянии понять, что хорошо, а что плохо. В их поведении превалирует не разумное, а животное начало. Инстинкты, то есть их собственные желания, у таких субъектов стоят на первом месте, а правила поведения в обществе либо на втором, либо вообще отсутствуют. Наиболее отпетые каторжане, как правило, способны на самые мерзкие и низкие поступки, о которых в приличном обществе даже стыдно говорить. А для них такое поведение – норма жизни. Другая категория преступников – образованные люди с чрезмерным эгоизмом. Они всегда одержимы мыслью о собственной выгоде и постановке личных интересов выше интересов окружающих. Помните, у Рылеева?

Ужасно быть рабом страстей!

Кто раз их предался стремлению,

Тот с каждым днём летит быстрее

От преступленья к преступленью.

– «Святополк»?

– Точно! Вы отлично образованны.

– Это всё мама, – произнесла Анастасия и погрузилась. – Простите, что перебила. Продолжайте, пожалуйста. Вас так интересно слушать!

– Благодарю. Так вот, ради ублажения собственных страстей такие люди готовы нарушить закон. В сущности, между первой и второй категорией правонарушителей разница заключается лишь в способах совершения преступлений. Образованные злодеи коварней. Однако, всё сказанное относится исключительно к умышленным преступлениям, совершаемым из корыстных побуждений. Преступления по неосторожности, или по мотиву ревности – другая область криминальной психологии. О ней можно говорить часами... Кстати о времени, – Ардашев щёлкнул крышечкой золотого «Мозера» и проронил: – Интересно, сколько ещё мы здесь просидим.

Инспектор появился через два часа. Дежурно извинившись, он пригласил к себе Варнавскую. Её не было довольно долго. Наконец, она вышла. На её глазах были слёзы.

– Что случилось, Анастасия Павловна? – вставая, осведомился Клим Пантелеевич.

– Полицейский посмотрел мой документ о беженстве и сказал, что он фальшивый. И меня посадят в камеру с воровками, цыганками и проститутками. Я этого не вынесу.

– Не волнуйтесь, я всё устрою...

Ардашев не успел договорить. Из полуоткрытой двери послышался голос инспектора:

– Господин частный чехословацкий сыщик, мне что – телеграмму вам отбить? Сколько можно вас ждать? Прошу на допрос.

Клим Пантелеевич проследовал в кабинет.

Пепельница на столе полицейского была полна окурков, и дымное облако ещё не успело улетучиться через открытую форточку.

Допрос длился недолго. Ардашев подробно изложил все обстоятельства аварии и подписал протокол.

Инспектор был вежлив, но его дурное расположение духа нет-нет, да и выскакивало наружу через резкие фразы и недобрый взгляд из-под густых бровей. Он явно что-то знал, и это его угнетало. Но что? И как вывести на откровения эту хитрую бестию так, чтобы он ничего не заподозрил? Да и судьбу Варнавской надо как-то решать. «С чего начать? Ну уж точно не с неё. А то, пожалуй, выставит меня за дверь» – размышлял частный сыщик. – «Попробую сначала его заинтриговать, а уж потом, когда он покажет свой интерес, можно перейти и к участи этой несчастной красавицы».

Ардашев мысленно перебирал варианты начала разговора, и, ничего не придумав, уже уходя, бросил небрежно:

– Господин Саар, если вас интересует моё мнение, как частного детектива, то, принимая во внимания все обстоятельства происшествия, я могу с полной уверенностью сказать, что это было умышленное смертоубийство.

– Вы имеете в виду, отсутствие следа торможения?

– Не только. Шофёр, намеренно сдал назад, а потом переехал труп в области головы, то есть он смотрел на направление колёс.

– Почему вы не упомянули об этом при допросе?

– Только сейчас вспомнил. Но я готов подписать новый протокол. Я никуда не спешу. День всё равно закончился.

– Ладно, – махнул рукой инспектор, – не будем ничего переделывать. Он открыл ящик стола, вынул полулист почтовой бумаги, сложенный вчетверо и положил на стол. – Взгляните. Нашёл в рабочем столе этого Минора.

– Как же вам удалось оформить изъятие документа из здания дипломатической миссии?

– Никак. Справка случайно забралась в мой карман. Иногда приходится грешить, ради исполнения служебного долга.

Ардашев прочёл:

– «Складной церковный алтарь является собственностью Р.С.Ф.С.Р. и не представляет какой-либо исторической или художественной ценности, в связи с чем может быть вывезен за пределы государства».

– Что скажете?

– Думаете, покойный промышлял контрабандой? – вопросом на вопрос ответил Ардашев.

– А почему нет? Вы знаете, что творят эти советские дипломаты в ресторанах? На выпивку и проститутку они спускают сотни марок, крон, долларов и фунтов стерлингов! А газеты утверждают, что у них в России голод.

– Простой народ голодает, это правда.

– Охотно верю, но люди Оржиха барыжничают. Агенты доносят, что они продают русским спекулянтам разные товары по двойной или тройной цене. И те не отказываются, берут,

потому что уже в Петрограде их стоимость вырастет в десять, а иногда и в пятнадцать раз. Особенно это касается лекарств.

– Таковы большевики. Они понимают, что власть долго не удержат. Вот и пытаются взять от жизни всё, что можно.

– Да, препротивно всё это. Ещё недавно мы были гражданами одной страны. Но сейчас меня волнует другое: кому понадобилось убирать этого Минора? Вашим соотечественникам, которые ведут борьбу с большевизмом?

– Не стоит гадать. Надо расследовать. И я могу вам помочь. На добровольных, так сказать, началах. Останусь в Таллине, пока не укажу вам на убийцу этого большевика. Вы его и арестуете.

Полицейский задумался и спросил подозрительно:

– А что вы за это хотите?

– Сущую мелочь – новые документы для госпожи Варнавской. Скажем, она потеряла старые и обратилась в полицию. И вы выдадите ей временное удостоверение беженки. Но уже подлинное.

Сыщик улыбнулся и кивнул понимающе:

– Да-да, красавица. Хрупкий стан, нежные черты лица... Такие встречаются редко – одна на сто тысяч. – Он задумался. – В принципе, я могу на это пойти. Чего не сделаешь ради исполнения служебного долга. Но всё будет зависеть от результата вашего расследования.

– Договорились. Естественно, мне понадобится содействие полиции.

– Поможем, не сомневайтесь.

– Насколько я понимаю, угнанный таксомотор вы ещё не нашли?

– А откуда вы знаете, что он угнанный? Хозяин таксомотора заявил об этом только четверть часа назад.

– Догадался. Я бы хотел его осмотреть.

– Такую возможность я вам предоставляю, как только мы его отыщем. В какой гостинице вы остановились?

– В отеле «Рояль».

– Понятно. Пожалуй, у меня больше нет вопросов.

– Честь имею кланяться, – попрощался Клим Пантелеевич и вышел.

– До скорого свидания, – бросил вдогонку инспектор.

Варнавская сидела на стуле с заплаканными глазами. Она обречённо взглянула на Ардашева и спросила:

– Меня надолго посадят?

– Не волнуйтесь. Всё будет хорошо. Я отвезу вас домой.

– Как домой? Этот полицейский велел мне сидеть и ждать конвой. Пришлось во всём сознаться: документ я купила у незнакомого человека на рынке. Вернее, не купила, а отдала за него кольцо с брильянтом и золотые часы-кулон – последнее, что у меня оставалось.

– Анастасия Павловна, нам надобно идти. Не стоит здесь говорить о таких вещах. Стены тоже имеют уши. Прошу вас, пойдёмте.

Варнавская поднялась. Ардашев взял её за локоть и повёл по коридору.

Уже на улице он предложил:

– Как я понимаю, неприятности для нас закончились. Позвольте пригласить вас в ресторан. Надеюсь, мы оба сможем забыть о всех перипетиях сегодняшнего дня.

– А впрочем, почему бы и нет? Я согласна.

– Прекрасно. Вон и извозчик.

Ардашев остановил фаэтон, и, усадив даму, спросил у возницы:

– А скажи-ка, братец, какой в городе лучший ресторан?

– В гостинице «Золотой лев», на Новой улице.

– Так тому и быть. Трогай.

Коляска уже покатилась, как вдруг Варнавская вымолвила:

– Простите, Клим Пантелеевич, но по некоторым причинам я бы не хотела оказаться в ресторане этой гостиницы.

– Как скажете. Выберем другую.

Услышав разговор, кучер предложил:

– Можно и в «Европу». Тамошний ресторан все хвалят.

– Не возражаете, Анастасия Павловна?

– Нет.

– Тогда едем.

– Это совсем рядом. На этой же улице. Жаль, ничего теперь не заработаю, – со вздохом сожаления проронил возница.

– Не переживай.

Проехав два квартала, фаэтон остановился. Расплатившись, к радости извозчика, по-царски, частный сыщик помог даме сойти с коляски.

Глава 3. Вечер в «Европе»

Свободный столик найти оказалось не просто, но шелест купюры в пятьдесят эстонских марок сделал невозможное, и официант, убрав табличку «Заказан», услужливо предложил расположиться в самом укромном месте – под пальмой, стоявшей в огромной деревянной кадushке.

Просматривая меню, Ардашев спросил:

– Анастасия Павловна, позвольте узнать, как вы относитесь к местной кухне? Я её совершенно не знаю.

– Она проста. Эстонцы любят рыбу, и неплохо её готовят. Обычно это лосось, сельдь, салака, угорь, лещ или щука. К гарниру чаще подают картофель. А из мясных блюд предпочитают нежирную свинину.

– А что заказать вам?

– Наверное, что-нибудь рыбное.

Оторвав взгляд от списка блюд, Варнавская спросила стоящего рядом официанта:

– Лосось с баклажанами на огне. Никогда не пробовала. Это вкусно?

– Это бесподобно! – ответил тот и, слегка склонившись, принялся живописать: – Лосось режется на куски, солится и перчится. Час-два отдыхает. Нарезанные кольцами баклажаны посыпают морской солью и тоже дают постоять один час. Баклажаны обмазывают оливковым маслом, перемешанным с мелконарезанным чесноком. Кусочки лосося и баклажаны кладутся на чугунную решётку, под которой горячие угли. Снимают по готовности.

– А салат Росолье из сельди с яблоками и свёклой?

– О! Вы не сможете от него оторваться! – воскликнул подавальщик, и, обойдя Анастасию с другой стороны, продолжил приоткрывать кулинарные премудрости: – Филе слабосоленой сельдочки нарезают кубиками небольшого размера. Такими же кусочками режут маринованные огурчики, крошат лук. Свёклу, морковь, картофель пекут в духовке. Варят яйца. По готовности чистят и овощи, и яйца. Всё нарезают кубиками. Яблоки очищают от кожуры нарезают квадратиками и сбрызгивают лимонным соком. Всё хорошенько перемешивается. Заправка простая и в то же время самая изысканная – сметана и зернистая горчица.

– Хорошо. Принесите мне такой салат.

– Что ещё?

– Мне хватит.

– А что, мадам, будет пить? Может, вино? Красное или белое? Сухое? Или шампанское?

– Сухое белое.

– Тогда возьмите бутылочку «Шато Латур».

– Но это много... – смутилась Анастасия, – и, наверное, дорого...

– Послушайте, любезный, – вмешался Ардашев. – Несите бутылку «Шато Латур» и «Смирновскую». Лосось и этот салат принесите и мне тоже. Кроме того, нам ещё понадобятся: грузди солёные, паюсная икра, рулеты из щуки, угорь маринованный, заливное из осетрины и свежие овощи – всё это для двоих.

– А десерт?

– Мороженное, пирожные – самые нежные и два кофе по-арабски.

– Простите, – смутился официант, – но мы не готовим по-арабски.

– Я так и думал, – рассмеялся Ардашев. – А по-турецки на молоке?

– К сожалению, тоже не подаём. Можем просто по-турецки.

– Ладно. Сделайте, хоть так.

Ресторанный слуга удалился.

За фортепьяно появился музыкант, и на сцену вышел невысокого роста певец. Прозвучало несколько вступительных аккордов и полилась песня:

Как солнце закатилось,
Умолк шум городской,
Маруся отравилась,
Вернувшись домой.

В каморке полутемной,
Ах, кто бы ожидал,
Цветочек этот скромный
Жизнь грустно покидал.

Измена, буря злая,
Яд в сердце ей влила.
Душа ее младая
Обиды не снесла.

Её в больницу живо
Решили отвезти,
Врачи там терпеливо
Старались спасти.

– К чему старанья эти!
Ведь жизнь меня страшит,
Я лишняя на свете,
Пусть смерть свое свершит.

И полный скорби муки
Взор к небу подняла,
Скрестив худые руки,
Маруся умерла.

Видя, как загрустила Варнавская, Ардашев покачал головой и сказал:

– Ну да, нам сегодня не хватает только темы отравления.

– Нет-нет, эта песня, как раз, напоминает спокойные времена. Я слышала её в тринадцатом году. Папа принёс пластинку. Мы жили в доходном доме на Каменноостровском проспекте в Петербурге. У нас тогда был граммофон. Но то была совсем другая жизнь.

– Я не спрашиваю, что привело вас в Ревель. Вероятно, у всех нас одна общая трагедия.

– Папу и маму убили пьяные солдаты в восемнадцатом году. Они ворвались в нашу квартиру и начали проводить обыск. Папа потребовал у них мандат. Тогда один из них в него выстрелил, а маму, как нежелательного свидетеля, закололи штыками. Из квартиры вынесли всё, что было можно, а что нельзя – поломали. Меня не было дома. Я ходила на рынок менять вещи на крупу. А когда вернулась, то долго не могла прийти в себя. Часть ценностей осталась в тайнике. Похоронив родителей, я поняла, что надо бежать из России, и как можно скорее. Сосед по парадному – бывший чиновник акцизного ведомства – помог мне перебраться в Ямбурге через границу. А вот ему не удалось, был арестован чекистами. Когда я приехала в Ревель, то поняла, что у меня неважные документы и попалась на удочку мошенника.

Официант принёс заказанные блюда, откупорил и разлил вино, и водку.

– Позвольте выпить за ваше счастье, Анастасия Павловна. Вам много пришлось пережить, и хочется надеяться, что всем бедам должен наступить конец.

– Благодарю вас, Клим Пантелеевич.

За едой и напитками время текло незаметно. На смену певцу вышла певица. В ресторане собиралась преимущественно русская публика, и потому со сцены текли задушевные романсы на стихи Кольцова, Тютчева, Блока.

– А вы в Ревель надолго? – поинтересовалась Варнавская.

– Планировал на несколько дней, но теперь, судя по всему, придётся задержаться.

– Тогда я могла бы показать вам местные достопримечательности. До большевистского переворота я давала частные уроки живописи, потом окончила Педагогические курсы при Императорской Академии художеств. Я люблю искусство, и в Ревеле есть, что посмотреть. Но, как я поняла, из ваших слов, сказанных в полицейском автомобиле, вы довольно неплохо разбираетесь в его истории, коли упомянули об арабском путешественнике... забыла его имя.

– Аль-Идриси, – улыбнулся Ардашев. – Но это ни о чём не говорит. У меня есть привычка: перед поездкой в новую для меня страну, я стараюсь прочесть о ней как можно больше. Мои знания о городе исчерпываются сведениями о трагедии Шарля Леру в Ревельской бухте 12 сентября 1898 года.

– Простите, никогда не слыхала об этом французе.

– Нет, он родился в Северо-Американских Штатах, племянник американского президента Авраама Линкольна.

– А что с ним случилось?

– Вы знаете, что такое парашют?

– Нет.

– Парашют – это своеобразный огромный зонт из прочной шёлковой материи, только вместо ручки – стропы. Они соединяют парашютный купол и человека. С помощью парашюта можно безопасно спуститься на землю, спрыгнув с воздушного шара или аэроплана. Леру устроил платное турне по Европе. Выступал в Англии, Австро-Венгрии и Германии. Он наполнял шар газом, поднимался к облакам и на глазах изумлённой публики, открыв дверь корзины воздушного шара, ступал в бездну. Смелчак летел камнем вниз, зрители были в ужасе, но через некоторое время парашют благополучно раскрывался, и отважный воздухоплаватель вполне успешно опускался на землю. Посетители аттракциона рукоплескали. Деньги текли рекой. И когда поступило предложение от русского антрепренёра Георга Парадиза, он согласился, даже несмотря на невыгодные условия: шестьдесят пять процентов сборов отходили русскому импресарию – и только тридцать пять – Шарлю Леру. С успехом он выступил в Петербурге, Одессе, Харькове, Варшаве, Либаве, Риге... И осенью добрался до Ревеля. Двенадцатого сентября, в пять вечера на холме Старого города собралась публика. Шар с воздухоплавателем взмыл высоко в небо. Зрители видели, как его отнесло в сторону моря. Когда он поднялся, приблизительно, на шестьсот метров, Леру покинул шар. Парашют раскачивало, словно маятник и смелчак, освободившись от него, прыгнул в воду. Какое-то время пловец был на поверхности, но потом пропал. К нему направили катер и лодки. Леру нигде не было. Тело воздухоплавателя нашли местные жители только через два дня. Это был его двести тридцать девятый прыжок.

– Точно! Я вспомнила. Он похоронен с почётом на старом немецком кладбище. Там же и памятник ему установлен.

– Вероятно. Я этого точно не знаю. Говорят, что перед этим импресарию поселил Леру в гостинице «Золотой лев» в комнате под тринадцатым номером.

– В «Золотом льве»? – изумилась Варнавская.

– Да, а что?

– Нет, ничего.

– Пойдите-пойдите... Вы отказались от ресторана в этой гостинице, а сейчас вновь так удивились, услышав её название. Думаю, вам бы лучше объяснить мне, почему этот отель так вас беспокоит. Но, если не хотите, можете не говорить.

– Никакой тайны нет, – вздохнула Анастасия. – Мне было стыдно признаться, что там я работаю горничной. Под угрозой увольнения нам запрещено посещать ресторан нашего отеля. У меня два дня выходных. Сегодня и завтра.

– Давайте не будем говорить о грустном. Тем более, под десерт. Его нам уже несут.

Непринуждённый разговор, музыка и вино расслабили даму. Её щёки зажглись румянцем, и Анастасия смотрела на своего спутника так, как дети разглядывают новую игрушку – с интересом и восхищением.

Наконец, она сказала:

– Благодарю вас за моё спасение. Но мне пора. Я живу в противоположном конце города от «Золотого льва». Проводите меня?

– С радостью, Анастасия Павловна.

Клим Пантелеевич оплатил счёт и оставил официанту столь щедрые чаевые, что тот, причмокнув от удовольствия, семенил за гостями до самых дверей.

Чернильные сумерки уже опустились на улицы. Ветер с моря нёс прохладу, напоминая, что лето скоро закончится. Каменные стены домов приняли траурный цвет, будто зная, что ещё не все беды пришли в Старый город.

Извозчика не пришлось долго ждать. Кауряя лошадка неторопливо бежала по мостовой.

За неспешным разговором Ардашев не заметил, как коляска добралась до дома Варнавской. Прощаясь, она вымолвила:

– Моя комната под номером шесть. И завтра я весь день буду дома. Я взяла несколько книг в библиотеке и собралась посвятить этот день чтению. Но, если вы решите отправиться со мной на прогулку – буду очень рада показать вам местные достопримечательности. Спасибо за чудесный вечер!

– Ну что вы! Человеку моего возраста находиться в компании столь обаятельной молодой особы – большая честь.

– Вы себя явно недооцениваете.

Ардашев склонил голову в почтительном поклоне.

– Завтра с утра у меня есть кой-какие дела. Но в два пополудни я буду ждать вас на этом самом месте. Доброй ночи, очаровательная Анастасия!

– Доброй ночи, замечательный Клим Пантелеевич!

Варнавская застучала каблуками по тротуару и скрылась за дверью доходного дома.

Ардашев вернулся в коляску и фаэтон покатиł вверх по улице. До «Портретного ателье г-на Тамма» на Глиняной 12 было совсем недалеко.

Глава 4. Ночная поездка

Капитан Волков слушал Ардашева и курил длинными затяжками. Когда собеседник умолк, он потушил папиросу в пепельнице и проговорил:

– Если большевики узнали о вашей вербовке Минора, то, скорее всего, они бы уже затащили его в один из номеров «Петербургской гостиницы» и там бы пытали, пока он не выложил бы им всё до мельчайших подробностей. Не пойму, для какой цели им понадобилось его убивать?

Откинувшись в кресле, Клим Пантелеевич заметил:

– Вполне уместный вопрос. Ведь и в Москву могли бы отправить пароходом или на поезде. А уж там в подвалах Лубянки можно было бы не торопясь добиться от него любых признаний.

– Значит, это не красные, – заключил капитан.

– А что, если Минор действовал по заданию резидента большевиков? – предположил Клим Пантелеевич.

– Вы имеете ввиду его визит ко мне за фальшивым паспортом?

– Ну да. Вы согласились. Сообщили мне. И вот я прибыл в Ревель. Так не проще ли разделаться со мной? Зачем убивать Минора и прекращать операцию?

Волков потёр лоб и выговорил:

– Вторая гипотеза: его убили местные контрабандисты.

Ардашев не ответил. Он достал коробочку ландрина и угостил себя красной конфеткой.

Волков поднялся, подошёл к окну, поправил задёрнутую штору и спросил:

– А эта дама, Варнавская, не случайно ли она оказалась на месте происшествия?

– Полагаете, она выступала дублёром убийцы? Нет, вряд ли. В полиции выяснилось, что у неё фальшивые документы, да и оружия при ней не было.

– Её обыскивали?

– Нет.

– Она могла спрятать пистолет в одежде или сумочке.

– Но тогда красные выправили бы ей приличные бумаги.

– Но, если вернуться к первому предположению, что Минора сбили большевики, тогда её появление рядом с вами вполне объяснимо. Они ведь давно составили на вас досье и знают, что вы попытаетесь вытащить даму из беды.

– Хотите сказать, они пожертвовали предателем, чтобы приблизить её ко мне?

– Именно так. Она красивая?

– Очень.

– Вот! Что и требовалось доказать. Вполне умный ход большевиков. Устранить на ваших глазах предателя и, воспользовавшись происшествием, подвести к вам симпатичную особу из военной разведки большевиков. И операция продолжается. Следя за вами, они могли выйти и на меня.

– Не могли. За мной не было хвоста. Но в ваших словах есть определённый резон. Надобно всё тщательно проверить. Не люблю, знаете ли, озвучивать необоснованные предположения.

– Прекрасно вас понимаю.

– Скажите, а ваш человек в «Петербургской гостинице» сможет узнать, когда в Ревель придёт пароход с золотом?

– Возможно, хотя я в этом и не уверен. Красные держат в строжайшей тайне любые сведения, связанные с этой операцией. Цена слишком велика. Я сделаю всё возможное, чтобы выяснить дату и время прибытия золотого парохода.

– Я тоже постараюсь этим заняться.

– Вы? – удивился Волков. – Вы же здесь не надолго. Неужели надеетесь за столько короткое время успеть подобраться к постояльцам «Петербургской гостиницы»? Вы волшебник?

Ардашев усмехнулся:

– Нет, что вы. Просто пытаюсь в темноте нащупать потаённую дверцу.

– Не удивлюсь, если вам это удастся.

Клим Пантелеевич поднялся.

– Знаете, капитан, нам не стоит больше здесь встречаться. Я был у вас дважды. Это объяснимо. Первый раз фотографировался, а второй – забрал фотокарточки. Но вот третий раз я могу к вам прийти только в случае крайней необходимости. Поэтому давайте увидимся во вторник на старом немецком кладбище. У могилы Шарля Леру. В полдень.

– Вижу вы прекрасно осведомлены об этой трагедии.

– Да, читал перед поездкой. Не откажите в любезности, подскажите, какие ещё достопримечательности стоит посетить?

– Завтра в церкви Святого Олафа в три пополудни за органом будет великолепный Карл Бартелсен. Он виртуоз. Советую послушать.

– Как туда добраться?

– Совсем несложно. Шпиль храма – самый высокий в городе – пятьдесят восемь сажень. Видно отовсюду. Церковь находится в северной части Старого города, недалеко от крепостной башни Толстая Маргарита. От вашего отеля извозчик, на самой старой кляче, довезёт за четверть часа.

– Он ближе к гавани?

– Да, пароходы при заходе в бухту ориентируются на шпиль, как на маяк.

– Наше судно причалило ночью, и я не обратил на него внимания.

– Легенду его постройки знаете?

– Нет, но с интересом послушаю.

– В средние века жители Таллина решили построить храм с таким высоким шпилем, чтобы его было видно проплывающим кораблям. Только вот мастера сразу найти не смогли, но потом вызвался один умелец. Правда, задрал цену – захотел получить десять бочонков золота. История умалчивает о вместимости этих бочонков, но, в любом случае, для городской казны это были непосильные траты. Узнав об этом, мастер объявил, что не возьмёт и ломаного гроша, если горожане узнают его имя. А если он сохранит его в тайне – вознаграждение останется прежним. Городские власти согласились. Прошло время. Строительство близилось к завершению. Денег, о которых условились, горожане найти не смогли и подослали к дому зодчего лазутчика, как раз в тот момент, когда жена строителя укладывала спать их сына со словами: «Спи малыш спокойно. Завтра папа Олаф придёт с десятью бочонками золота». На утро, когда мастер уже заканчивал крепить на самой верхушке шпица крест, кто-то снизу крикнул: «Эй, Олаф, смотри, крест ставишь не ровно». Искусник растерялся, оступился и сорвался с лесов. Коснувшись земли, его тело окаменело, а изо рта выпрыгнула жаба и выползла змея. Таков печальный конец предания.

– Жаба в этой легенде – символ человеческой жадности, а змея – подлости?

Капитан пожал плечами:

– Бог его знает. Я не большой специалист в эстонском народном фольклоре.

– Получается, что лютеранскую церковь назвали именем строителя?

– Нет. Мой рассказ – красивая легенда. На самом деле, Святой Олаф, или Олай, как его называли на Руси, – это норвежский король. Он принял христианство и боролся с язычеством. А после неудачного нападения на Данию бежал в Новгород, и его престол оказался занят. Он пытался его вернуть и, как настоящий воин, погиб в бою. Церковь причислила Олафа к лику святых.

– Вы прекрасно осведомлены.

– Приходится изучать, потому что это знает каждый эстонец. А к храму советую прийти ещё до того, как зазвучит орган. Побродите по кладбищу. Осмотритесь. Там очень красиво. Много старых склепов. Церковный сторож, если вы его попросите, с удовольствием поведает об их вечных постояльцах.

– Непременно воспользуюсь вашим советом. Мне пора. Где мои фотографии?

– Извольте, – капитан передал свёрток.

– Интересно, а чьи фото вы мне положили?

– Милых дам.

– В неглиже? – улыбнулся Клим Пантелеевич.

– Это сейчас пользуется большим спросом.

– А полиции не боитесь? Вдруг узнают?

– Все фотоателье этим занимаются. И будет весьма подозрительно, если я стану отказываться от торговли «весёлыми картинками».

– Вы правы. Честь имею, капитан.

– Честь имею.

Ардашев поднял голову. Реклама фотографического салона, подсвеченная электрическим светом, сообщала: «Снимки производятся скоро и аккуратно при дневном и электрическом освещении. При заказе одной дюжины карточек выдаётся в премию бесплатно увеличенный портрет. В спешных случаях фотографии приготавливаются в 24 часа». Клим Пантелеевич вздохнул тяжело и подумал: «У меня ведь и фотопортрета нет ни одного. Да что там фотопортрета – простой карточки нет. Служебная привычка, оставшаяся ещё со времён заграничных командировок нигде и никогда не оставлять никаких следов: ни фото, ни карандашных портретов уличных художников, ни образцов почерка. Все люди, как люди, фотографируются семьями, чтобы потом лет через сто или двести безусый гимназист водил пальцем по пожелтевшей от времени фотокарточке и показывал сверстникам своего кого-то там по счёту прадедушку, или прабабушку. Собственно, мы с Вероникой ни разу не фотографировались, если не считать одной карточки в день венчания. А зачем? Детей ведь всё равно нет. Вернее, раньше не было. Но теперь есть сын – Павлик, Паша, Павлуша... И всё сложится, как у всех. А уж у него точно будет большая и дружная семья, и внуки, и правнуки. И как же безумно хочется, чтобы они – когда-нибудь! – с высоты своего двадцать первого, или, там, двадцать второго века смотрели на нас с Вероникой и представили, какими мы были, как жили, пытались бы понять, что нас радовало, что тревожило... Нет не надо им знать о наших бедах и волнениях, не надо. Пусть думают, что мы были счастливы. Да! Мы обязательно сфотографируемся. Просто пойдём все вместе в ближайшее фотоателье. Вот только домой вернусь». Вдруг стало грустно от того, что домом он мысленно назвал Прагу, а не Ставрополь – город, в котором родился и жил, где похоронены его родители. «Целы ли памятники отца и матери на Успенском кладбище? Или разрушены? – с волнением подумал он. – Говорят, большевики дорогие памятники снимают с могил и тащат на захоронения коммунистических чиновников, а потом вешают на чужие кенотафы металлические таблички с фамилиями этих новопреставленных. И получается, что на памятнике вырезано одно имя, а краской по трафарету на жестянке выбито совсем другое». В эти рассказы ему не хотелось верить, и оставалось лишь тешить себя надеждой, что такое невозможно, что это не по – христиански, не по – человечески... В этот момент Ардашев впервые пожалел, что бросил курить.

Он пропустил первый таксомотор. Не сел и во второй. Пройдя метров двести, остановил извозчика и уже через четверть часа швейцар распахнул перед ним тяжёлую дверь отеля «Рояль».

Уже в номере, едва коснувшись подушки, Клим Пантелеевич провалился в мягкую бездну сна.

Пригрезился несчастный американский воздухоплаватель в образе Минора. Видимо, на этот раз ветер подул в противоположную от моря сторону, и купол парашюта зацепился за шпич собора Святого Олафа. Недавний покойник с раздавленной, точно битый арбуз, головою грустно улыбался Ардашеву и беспомощно разводил руками. У дверей храма суетился полицейский инспектор и что-то кричал в рупор, но разобрать его слова было невозможно. Рядом с ним носились пожарные, пытаясь совершенно бессмысленно приставить к стене церкви лестницу. И в этот миг появился «Ситроен» с побитым капотом. Извергая из выхлопной трубы пламя, он нёсся на людей, как исчадие ада. Приближение железного монстра видел только один человек – Ардашев, но остановить его не хватало сил... А потом сон перенёс частного сыщика назад – в 31 декабря 1899 г., в Египет, в Каир, в Эль-Карафа (Город Мёртвых), на кладбище мамлюков. И каменная надгробная плита опять давила на лоб. Дышать становилось всё труднее, но, слава Богу, кто-то догадался, что внутри склепа живой человек и послышалась арабская речь⁴. Раздался стук, потом ещё и ещё...

Клим Пантелеевич открыл глаза. Стучали в дверь.

– Господин Ардашев, – это коридорный. – Звонили из полиции. Они уже послали за вами мотор. Просили передать, что инспектор ждёт вас за городом.

⁴ Об этом читайте рассказ «Убийство на Васильев вечер» в сборнике «Слепень» (прим. авт.).

Глава 5. Первая улика

Молчаливый водитель вёз Ардашева через спящий Таллин. Фонари едва освещали улицы. Где-то вдаль лаяли собаки. Выехали на окраину. Но скоро и она закончилась. Началось Балтийско-Портское шоссе. Встречных автомобилей не было. Ослеплённый светом фар, посередине дороги замер заяц, но вдруг пришёл в себя и ускакал прочь. Дальше путь шёл через хвойный лес. Клим Пантелеевич отчего-то подумал, что именно в таких чащобах обязательно должны водиться не только разбойники, но и лешие с водяными.

Шофёр свернул с шоссе, и полицейский «Форд», трясаясь на ухабах, выехал на поляну и остановился. В фонаре стоявшего «Ситроена» отражался лунный свет. Ардашев выбрался из авто, и попал в луч электрического фонаря, находящегося в руках инспектора Саара. Рядом с ним находился какой-то человек в сапогах, охотничьей куртке и картузе. За его спиной была двустволка.

– Как видите, господин Ардашев, я оказался прав, когда несколько часов назад предположил, что мы скоро увидимся. Мы отыскали угнанный таксомотор. Спасибо управляющему имения господину Коппелю, что протелефонировал нам, – полицейский кивнул в сторону незнакомца. – Он обнаружил машину около семи вечера. Двигатель был ещё тёплый. Пока я сумел сюда выбраться, пока отослал «Форд» за вами, прошло много времени.

– Урмас Коппель, – учтиво поклонился управляющий.

– Ардашев, частный детектив.

Клим Пантелеевич повернулся к инспектору.

– Вы осматривали автомобиль?

– Да, но там ничего нет, – ответил полицейский и швырнул в траву окурки. – Я не нашёл даже отпечатков пальцев, ни на руле, ни на дверных ручках. Очевидно, преступник был в перчатках. Зря только притащил с собой несессер нашего криминалиста.

– А следы перчаток остались?

– Нет, видимо, злоумышленник протёр всё куском материи.

– Тем не менее, я хотел бы обследовать кабину.

– Как угодно.

– Разрешите взять фонарь?

– Давайте я лучше вам посвечу.

– Благодарю.

Ардашев открыл дверь таксомотора и стал исследовать водительское место. Его взгляд упал вниз, и он что-то поднял у самой педали акселератора и осведомился:

– Скажите, господин Саар, вы сидели за руль?

– Нет.

Частный сыщик поднёс к глазам небольшой, размером чуть больше спичечной головки, деревянный клинышек.

– Господин управляющий, не могли бы вы снять один сапог?

– Зачем? – удивлённо спросил тот.

– Хочу осмотреть подошву.

– Хорошо, но вы можете объяснить для чего это вам нужно? – вмешался инспектор.

– У самой педали акселератора я обнаружил деревянный сапожный гвоздь, расколотый надвое. Судя по его толщине, он больше шестнадцатого номера, то есть самого толстого из всех. Такие дубовые гвозди номеров не имеют. Чаще всего ими подбивают не туфли, а ботинки или сапоги. Вы, господин инспектор, в туфлях, а господин управляющий в сапогах, вот я и хочу осмотреть его подошвы.

– Не вижу смысла, – ответил управляющий. – Мои сапоги подбиты металлическими гвоздями. Да и в автомобиль я не садился. Но, если хотите в этом убедиться – извольте.

Он снял левый, а потом и правый сапог и передал Ардашеву.

– Вот и прекрасно, – освещая обувь фонарём, заключил Клим Пантелеевич. – Теперь осталось проверить башмаки таксиста. И если окажется, что обе его подошвы подбиты железными гвоздями, то тогда, вне всякого сомнения, этот кусочек дерева принадлежит злодею. Забирайте улику, инспектор. Она пока единственная. – Клим Пантелеевич протянул деревянный клинышек полицейскому.

– Благодарю, а я и не заметил этот крохотный кусок деревяшки, – оправдываясь, изрёк полицейский и сунул находку в спичечный коробок.

– Ну что, пора возвращаться, – сказал Саар. – До Таллина почти тридцать вёрст. Слава Богу, начинает светать.

– Господа, позвольте пригласить вас на ранний завтрак в имение теперь уже покойного барона Калласа, – надевая сапоги, предложил управляющий.

– Вы очень любезны, господин Коппель, но мне, признаюсь, как-то неудобно опять у вас появляться.

– Что же тут неудобного, инспектор? Это ваша служебная обязанность – приехать на место происшествия.

Ардашев поднял недоумённый взгляд. Заметив это, полицейский пояснил:

– Видите ли, господин Ардашев, пять дней назад, хозяин имения совершил самоубийство, и я был здесь.

– Горе горькое, – вздохнул управляющий. – Но что было, то прошло. Два дня минуло после похорон.

– Откровенно говоря, перекусить бы не мешало, но как на моё появление отреагирует дочь покойного барона и её муж? Они ведь нас не приглашали, – засомневался полицейский.

– Супруги ещё вчера уехали в Таллин. Господин Юрген Аус теперь руководит всеми газетами, журналами и типографиями покойного тестя. В Эстонии это фактически вся пресса.

– «Последние известия» тоже его? – осведомился Ардашев.

– Да.

– Уж больно просоветские статьи в них печатаются. Ульянова цитируют, Троцкого...

– К сожалению, вы правы, – посетовал управляющий. Покойный барон никогда бы этого не допустил. Он мирных масонов терпеть не мог, а уж большевиков и подавно! Не для того мы отстаивали независимость, чтобы дружить с красными бандитами.

– Признаться, я не против раннего завтрака. Правда, имеется одно препятствие, – озадачился инспектор. – Как быть с двумя моторами, если шофёр у нас один. Ни я, ни господин управляющий водить не умеем, а до имения с полверсты. И «Ситроен» бросать я бы не хотел.

– Господа, не волнуйтесь. Я могу управлять любым автомобилем, независимо от марки.

– Вы просто находка, господин Ардашев, – обрадовался полицейский. – В таком случае, мы поедем в замок на «Ситроене», а шофёра я отпущу. Пусть возвращается в Таллин.

Инспектор поставил несессер на заднее сиденье «Форда» и что-то сказал водителю. Тот кивнул, завёл двигатель и уехал. Ещё через пару минут по той же по лесной дороге на восток покатила «Ситроен» – туда, где за холмом всходило солнце, озарявшее красноватым светом верхушки старых, разлапистых елей.

Глава 6. Замок Фалль

На берегу речки Кегель, там, где она, сбегает с холма и превращается в редкой красоты водопад, стоял замок, построенный в английском готическом стиле с восьмиугольной башней.

«Ситроен» заглушил двигатель у главного крыльца, украшенного белыми мраморными львами, вазами с цветами и плетущимися лианами. И если бы не массивные двери, то весь навес походил бы, скорее, на изящную беседку, чем на парадный вход. Совсем рядом виднелась оставленная кем-то садовая тачка, а рядом с ней, на зелёной лужайке, лежал бульдог с грустными глазами.

Увидев гостей, пёс отвернулся.

– Прошу, – Коппель предложил инспектору и Ардашеву войти.

Уже, находясь внутри, он сказал:

– Погуляйте пока по зале, тут много разных картин, скульптур и предметов старины. Уверен, вам не будет скучно. А я тем временем, приготовлю завтрак в своём логове.

Клим Пантелеевич остановился перед огромной яшморовой вазой. Табличка поясняла, что она привезена из Зимнего дворца и подарена хозяину замка русским императором Николаем I. Тут же были выложены медальоны русских князей и царей от Рюрика и кончая Императором Павлом I.

Минут через десять появился управляющий. Он предложил пройти в его домик, находившийся рядом с замком.

На столе уже была порезана розовая ветчина, масло, сыр, варенье, чай и кофе.

– Угощайтесь, господа, – предложил Коппель.

– Вы очень любезны, – усаживаясь за стол, вымолвил Клим Пантелеевич и поинтересовался: – А кто построил замок?

– Само имение принадлежало графу Бенкендорфу, бывшему шефу жандармов и командовавшему Императорской квартирой в царствование Николая Павловича. После его смерти оно, в порядке майората⁵, перешло в род его младшей дочери княгини Волконской. И до самого 1917 года имением распоряжался светлейший князь Григорий Петрович Волконский. Но в конце этого смутного года имущество было разграблено окрестными крестьянами. Кое-что удалось спасти, но многое было украдено, даже столовое серебро. И уже в январе восемнадцатого года, имение выставили на продажу. Мой хозяин, барон Каллас, выкупил его со всей обстановкой. Не скрою, мне пришлось много потрудиться, чтобы навести здесь порядок. Барон так радовался своему приобретению и тут вдруг, ни с того не с сего, отметив юбилей, повесился.

– Как это случилось? – сделав глоток кофе, поинтересовался Ардашев.

– Барон был человеком жизнерадостным, и его пятидесятый день рождения праздновали уже четвёртый день. Овдовев семь лет назад, он не испытывал недостатка в женском внимании. Весь вечер пел цыганский хор, выступал куплетист и певец, ему аккомпанировал дамский оркестр. Вино лилось рекой, людей было много. Господин Каллас в какой-то момент исчез, и я решил, что он пошёл спать. Ближе к утру я отправился спросить его, надо ли отправлять артистов в Таллин, или празднование продолжится. Но в спальне его не было, и тут появился садовник. От волнения он не мог ничего объяснить, а только мычал что-то и указывал в сторону старого дуба у водопада. Я пошёл туда и увидел страшную картину: хозяин имения висел на самой нижней ветке, а рядом с ним – двухступенчатая стремянка. Мы сняли тело. Но он был уже мёртв. Прибежала дочь и зять. Сообщили в полицию. Приехал господин инспектор.

⁵ Майорат – порядок наследования имущества, согласно которому оно целиком переходит к старшему в роду или семье (прим. авт.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.